

тор мог не только “прочитать” в ландшафте хорошо известные ему поэтические смыслы, но и сверить собственную судьбу с судьбами создателей этого мифа, попытаться “вписать” свое имя в *принципиально открытый текст*. В этой руссоистской по своему происхождению утопии снимались важнейшие противоречия романтического мироощущения. Здесь природа оказывалась культурной (то есть освоенной культурой), а культура – природной (то есть естественной, находящейся в гармонии с природой). Здесь снималось и коренное романтическое противоречие между “своим” (национальным) и “чужим” (зд. иностранным): ландшафт сближал поэтов разных наций – швейцарец Руссо, француз Вольтер, англичанин Байрон, русские Карамзин и Жуковский. Этот уголок – духовная отчизна романтиков, край поэтического откровения, земной Эдем, намекающий на небесный...

Последнее имя в тютчевском списке авторов, связавших свои судьбы с Леманом, – имя Жуковского. Поэт дважды приезжал в эти края (в 1821 г. и в 1832–1833 гг.) и описал их в “Отрывках из письма о Швейцарии” (1821), поэме “Шильонский узник” (1821–1822) и пространных письмах из местечка Верне (близ Вёве) 1832–1833 гг. *Горы, отражающиеся в озере*, – сквозной образ его швейцарских сочинений, символизирующий гармоническое соединение (слияние) земного и небесного миров в этом благословенном краю. Вот несколько характерных пейзажных зарисовок (“отрывков швейцарского ландшафта”) из писем Жуковского этого времени (с ними Тютчев мог быть знаком по выдержкам, приведенным в книге П.А. Плетнева о жизни и сочинениях Жуковского): “... перед глазами расстилается лазоревая равнина Женевского озера”; “...горы стоят перед тобою под голубым безоблачным небом, в удивительной торжественности”; “...озеро, как стекло, не движется, а дышит” [22, с. 201–202] (ср. в диптихе Тютчева “На возвратном пути”: “дышит в зеркале Лемана”, “радужные горы в лазурные глядятся озера”). Символическое обобщение “озерной” темы находим в незаконченном стихотворении Жуковского “Картина жизни”, написанном в 1833 г. в Верне:

На лоне озера спокойном недвижим
Сияет лебедь;
Над ним, под ним сияет небо
(ОР РНБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 37, л. 24)

Леман для Жуковского – озеро, воспетое Руссо и Байроном (см. [23, т. III, с. 440–441]). Постоянный мотив писем поэта 1832–1833 гг. – описание вида из окон дома, в котором он поселился, на *Монтрё Байрона “в виду Кларенса Руссо”*. Здесь Жуковский перечитывал сочинения этих законо-

дателей литературных эпох, сверял по ним свои мысли и переживания (см. [24, с. 446]). Здесь осенью–весною 1832–1833 гг. он пережил настоящий творческий взлёт. “Поэтическими плодами спокойной и правильной жизни в Швейцарии, – писал об этом периоде жизни поэта К.К. Зейдлиц, – были несколько баллад из Уланда, Шиллера, Гёте и отрывок из Илиады. С этой поры однако Жуковский перестал писать баллады, но зато начал известную свою Ундию” [25, с. 152]. С “Ундиной”, начатой на берегах Женевского озера, связывал “перелом поэтического направления” Жуковского и Гоголь: “По мере того как стала перед ним проясняться чище та незримо-светлая даль, которую он видел дотоле в неясно поэтическом отдалении, пропала страсть и вкус к призракам немецких баллад” [26, т. VIII, с. 378]. Направление “эволюции” Жуковского, отмеченное Гоголем (от балладной “тьмы” к эпическому “просветлению”), “вписывается” в местный миф: здесь поэты разных наций переживали душевное просветление и – как следствие – настоящий творческий ренессанс.

Подобно Руссо, Жуковский “вписал” в вёвейскую историю и свою биографию, тем самым закрепив высокий символический статус этого места для будущих русских паломников. В 1841 г. он заметил, что швейцарская деревенька Верне близ Вёве, где он провел осень и зиму 1832–1833 гг., – место, незаметное “на общей карте Европы, но слишком заметное на специальной карте судьбы моей”. Здесь он познакомился с Елизаветой Рейтерн (дочерью его старого друга Е. Рейтерна), ставшей спустя несколько лет его женой. Здесь он провел один из самых счастливых периодов жизни. Здесь расстался со своим “избранным” поэтическим родом – балладой – и перешел в новый период своего творчества – эпический по преимуществу. “Это была одна из тех эпох жизни, которая, прекращаясь, оставляет в душе *неизъяснимое чувство тоски по отчизне*, – писал он Е.А. Протасовой 10 августа – 5 сентября 1841 г. – Мне казалось, что само Провидение опять хотело порадовать мою душу минутным зрелищем желанного, мечтательного, того, что мы видим во сне и что никогда не сбывается; но за этим воздушным призраком таилось и существенное” [27, с. 18]. (курсив мой. – И.В.)⁶

Таким образом, имя Жуковского вошло в список “священных имен” русской версии “вёвейского мифа”: в 1830–1850-е гг. отечественные паломники отправлялись здесь на поиски мест, связанных с памятью поэта (А.И. Тургенев, Н.В. Гоголь, П.А. Вяземский, Л.Н. Толстой). «На любимой прогулке его, вдоль по берегу, столпы

⁶ Это исповедальное письмо было опубликовано в третьей книжке “Русской беседы” за 1859 г., и, следовательно, могло быть известно Тютчеву (впрочем, он мог познакомиться с ним и раньше, так как несколько лет состоял в комитете по подготовке собрания сочинений Жуковского).